

Материалы XVIII—XIX вв. позволяют представить языковую ситуацию, сложившуюся в этот период у кавказских арабов. По Герберу, в Азербайджане арабы говорили на азербайджанском языке, содержащем множество арабских слов («смешанным турецким, татарским и арабским») ⁶⁶. Гагемейстер писал, что жители некоторых сел Азербайджана объясняются между собой на испорченном арабском языке ⁶⁷. В приведенных свидетельствах, думаю, нет противоречий. Гербер, вероятно, имел в виду язык внешнего общения арабов, которым был, конечно, азербайджанский. В начале XIX в., по свидетельству современников, арабы Ширвана знали «татарский язык». Гагемейстер же, говоря об арабском языке, указывал, видимо, на их бытовой язык, язык внутрисемейного общения. К середине XIX в., по сведениям Бакиханова, жители части арабских сел Азербайджана утратили родной язык. Лишь у одной группы арабов, живших в Ширванском уезде, «семейным языком был арабский, но они знали и азербайджанский». Подобная языковая ситуация отмечается Бакихановым и в дагестанском с. Дарваг, где арабский язык лишь к началу XIX в. вышел из употребления, но некоторые старики знали его еще в 1840-х годах ⁶⁸.

Сохранению арабами родного языка (хотя и значительно изменившегося) в некоторых селах и кочевьях Нухинского и Шемахинского уездов способствовала, как отмечали бытописатели того времени, их этническая изоляция. Они не заключали браков с азербайджанцами, причем не только с шиитами, но даже с суннитами, т. е. со своими единоверцами. Такое положение не мешало им, однако, знать азербайджанский язык, который был для них языком общения с окружающим населением.

Процесс деэтнизации кавказских арабов в основном завершился к концу XIX в. К этому времени почти все они ассимилировались кавказским населением, утратили родной язык и сохранили лишь память о своем происхождении. В разных районах Кавказа этот процесс протекал с различной интенсивностью. В Дагестане этническая ассимиляция арабов, как более давних мигрантов, произошла, видимо, еще ранее, чем в Азербайджане, и к середине XIX в. арабский язык здесь был утрачен, за исключением, может быть, Дарвага. Связь дагестанских арабов с Дербендом, где в XI—XII вв. арабское влияние сменилось тюркским, привело к тому, что арабское население многих близлежащих сел (Зиль, Ерс, Мугатырь и др.) перешло на азербайджанский язык. В Азербайджане, как мы видели, и в XIX в. были группы арабов, не утратившие некоторых этнических черт, прежде всего арабского языка, на котором они общались в быту.

Так, неправдоподобные на первый взгляд факты, сообщенные информаторами, дают толчок к этнографическому поиску, раскрывающему еще одну страницу этнической истории народов и их этнокультурных связей.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Гагемейстер Ю. А. Указ. раб., с. 184.

⁶⁸ Бакиханов А.-К. Указ. раб., с. 172.

В. Г. Стельмах

ПОЛИТИКА ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ИНДЕЙЦЕВ США В 30-е ГОДЫ XIX ВЕКА

В июне 1979 г. апелляционный суд штата Южная Дакота вынес поразившее многих американцев решение о выплате правительством США компенсации в размере 105 млн. долл. индейскому племени оглала-сиу за пользование землей в округе Блэк Хиллз резервации Пайн Ридж. Однако это решение, столь нетрадиционное для Америки, имело под

собой твердую юридическую базу. Право индейцев на владение данной территорией было зафиксировано в договоре о переселении, который правительство заключило с ними в 1877 г. Договор этот имеет силу и по сей день.

Но не менее удивительна была и реакция племени на такое, казалось бы, благоприятное для них решение суда. Устами своего вождя Илаи Вэрлвинд Хорса и активиста Движения американских индейцев Рассела Минза оно отказалось от компенсации. По мнению оглала-сиу, во-первых, само переселение в резервацию было не чем иным, как насильем над ними. Во-вторых, 105-миллионная компенсация, составляющая проценты за 102 года аренды земель Блэк Хиллз, явно недостаточна. Поскольку оглала-сиу не имели адекватного представления о рыночной стоимости земли, плата за эту территорию была установлена в сумме 17,5 млн. долл., тогда как реальная ее стоимость, с учетом интенсивной добычи золота там в 80-х годах XIX в., была несоизмеримо выше. Поэтому индейцы не согласятся с предложенной компенсацией и «объединят,— как заявил Р. Минз,— усилия, чтобы полностью восстановить права на свою землю»¹.

Таким образом, договор о переселении, заключенный между индейским племенем и правительством США свыше 100 лет назад, хотя и образует в определенном смысле правовую основу земельных исков индейцев в наши дни, по-прежнему остается документом, фиксирующим неравноправие коренного населения. Это побуждает нас обратить пристальное внимание на политику переселения индейцев, начатую в 30-е годы XIX в. Особый интерес в данной связи вызывает ее начальный этап, продолжавшийся около 10 лет, в течение которого правящие круги США «очистили» от аборигенов все юго-восточные территории страны, переселив их на земли, лежащие западнее р. Миссисипи.

Политика переселения индейцев США в западные районы давно интересует американских ученых². Однако внимание их обычно фокусировалось на правовой стороне переселения — оформлении его посредством договора с соответствующим индейским племенем. При этом игнорировался тот факт, что на деле переселение было замаскированным захватом земель коренного населения, и агрессивный характер политики правительства США затушевывался.

Советские ученые, осветив ряд принципиально важных проблем в истории коренного населения США, часто обращались к вопросам, так или иначе связанным с политикой переселения³. Вместе с тем данный сюжет не был предметом специального исследования. Цель настоящей статьи — показать, как в планах переселения индейских племен проявился захватнический характер политики американских правящих кругов.

* * *

30-е годы прошлого столетия были отмечены активизацией политики правительства США в отношении индейцев, направленной на захват земель, принадлежавших коренному населению. Причины этого следует искать в особенностях социально-экономического развития США в тот период.

Тенденция к территориальному росту имманентно присуща самой природе капитализма. Ввиду того, что на Американском континенте существовали особо благоприятные условия для развития капитализма

¹ New York Times, 18.IX.1979, p. 22.

² Harmon W. 60 Years of Indian Affairs. 1789—1850. Chapel Hill, 1941; Cotterel R. Southern Indians. Norman (Okla.), 1954; Prucha F. American Indian Policy in the Formative Years. 1750—1834. Cambridge (Mass.), 1962; Washburn W. The Indian in America. N. Y., 1975.

³ См., например, Аверкиева Ю. П. Рабство у индейцев Северной Америки. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1941; *ее же*. Индейское кочевое общество 17—18 вв. М.: Наука, 1970; *ее же*. Индейцы Северной Америки. Переход от бесклассового общества к классовому. М.: Наука, 1974; Североамериканские индейцы/Ред. Аверкиева Ю. П. М.: Прогресс, 1978.

вширь, эта тенденция получила в США большой размах. Как указывал В. И. Ленин, «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых земель, без втягивания некапиталистических стран в водоворот мирового хозяйства»⁴.

Территориальное расширение США было связано с развитием не только свободного предпринимательства, но и в особенности плантационного рабства. Как писал К. Маркс, распространение рабства на новые районы является жизненным условием его существования⁵. Различным социальным группам белого населения — фермерам, промышленной буржуазии, плантаторам — были необходимы, хотя и для разных целей, новые территории. Именно это направляло взоры федерального правительства на юго-западные земли, которые были для него «свободными», так как на них проживали лишь индейские племена. Это нашло отражение в ежегодных посланиях конгрессу президента Э. Джексона (1829—1837). В послании 1830 г. президент заявлял, что «сейчас, когда волна цивилизации неудержимо катится на запад, ...необходимо передать в руки большого цивилизованного народа огромные территории на западе, занятые горстью дикарей-охотников». В послании 1833 г. президент подчеркивал, что «индейцы не могут жить окруженные поселениями белых»⁶. Подобную точку зрения высказывали и другие официальные лица: министр обороны Кэсс, члены палаты представителей Канинг и Уайт, уполномоченный по делам индейцев Херинг⁷. Таким образом, правительство Э. Джексона откровенно стремилось разрешить аграрный вопрос всецело за счет коренных американцев.

В 30-е годы федеральное правительство централизует исполнительные органы индейской политики. Вместо функционировавшего с 1824 г. в качестве придатка к военному министерству Бюро по делам индейцев, которое осуществляло связь с коренным населением через назначаемые им периодические комиссии, в 1834 г. был создан Департамент по делам индейцев в рамках Министерства внутренних дел. Его компетенция определялась четко: «Регулирование торговли и отношений с индейцами, заключение договоров с индейцами, контроль за их исполнением»; периодические комиссии Бюро заменялись постоянно действовавшими Индейскими агентствами с обширным штатом агентов и их помощников, которые находились на территории каждого племени. Возглавлял департамент уполномоченный по делам индейцев⁸. В этом же году конгресс принял закон о регулировании отношений и торговли с индейскими племенами, согласно которому отношения с индейцами «становились прерогативой федерального правительства», выдававшего для торговли и установления любых иных контактов с индейцами специальные лицензии (ст. 2—3). Закон также запрещал под угрозой штрафов селиться без разрешения департамента на индейских землях (ст. 4), продавать индейцам спиртные напитки (ст. 20—21), вести торговые дела без лицензии (ст. 6—9)⁹. Все это, как справедливо отметил известный правовед Ф. Коэн, означало «возведение отношений с индейцами в ранг государственной политики»¹⁰ и свидетельствовало о тенденции к усилению федерального контроля над племенами.

Основным методом экспансии США в индейские земли в 30-е годы XIX в. стало переселение их жителей в неосвоенные западные районы страны, которые были еще недоступны белому населению. Относительно необходимости переселения у правящих кругов разногласий не было,

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 313.

⁶ A Compilation of the Messages and Papers of Presidents 1789—1897/Ed. Richardson J. Washington, 1896 (далее: Messages and Papers), v. 2, p. 523; v. 3, p. 33.

⁷ Congressional Globe. 24 Congress. 1 Session. Appendix, p. 3, 13—14, 420; 2 Session. Appendix, p. 304.

⁸ Documents of U. S. Indian Policy. Lincoln (Nebraska), 1975, p. 68—70 (далее: Documents).

⁹ Ibid., p. 64—68.

¹⁰ Cohen F. Handbook of Federal Indian Law. Washington, 1941, p. 37.

однако вопрос, как проводить его, неожиданно породил в конгрессе США дискуссию, затрагивавшую проблему трактовки американской конституции.

Как известно, в основе отношений федерального правительства и индейских племен лежало конституционное положение о том, что юридический статус индейцев уподоблялся статусу иностранной державы, независимой от правительства США (раздел 1, гл. 8, § 3)¹¹. Признание суверенитета неизбежно влекло за собой и признание прав индейцев на землю. Однако это положение конституции трактовалось правящими кругами весьма своеобразно. В решении Верховного суда в 1830 г. судья Д. Маршалл официально объявил о том, что независимость индейцев следует понимать более узко, ибо они «независимы не как иностранная держава, а как народы, находящиеся под патронажем США в силу своей дикости и невежества»¹². Таким образом, статус индейцев и позиция правящих кругов США по отношению к ним были весьма двойственны, и именно это породило жаркие споры о том, как переселять их на запад.

Наиболее рьяные сторонники захвата индейских земель, ссылаясь на решение Верховного суда, считали, что индейцев следует выдворить с их территорий силой. «Поскольку они не являются иностранными народами в конституционном смысле..., — заявил представитель Джорджии Хейс, — вести с ними какие-либо переговоры бессмысленно»¹³.

Но была и более умеренная точка зрения, четко сформулированная предшественником Джексона на посту президента, Д. К. Адамсом (1825—1829), трактовавшим конституцию буквально. В послании 1828 г. конгрессу он писал: «В основу наших отношений с индейцами положен принцип, согласно которому они подобно иностранным державам считаются суверенными собственниками своих территорий. Однако вместе с тем они — грубая, невежественная часть человечества, и наш долг — привить им привычки и обычаи цивилизации». Основываясь на этом, президент следующим образом характеризовал политику по отношению к индейцам: «...мы покупаем у них землю, поскольку они собственники, мы заключаем с ними договоры, поскольку они независимы, мы учим их религии и грамоте, поскольку они дикари»¹⁴. В начале 30-х годов в конгрессе такую точку зрения защищали члены палаты представителей Уайт и Каннинг, а также министр обороны Кэсс¹⁵.

Именно с учетом таких противоречивых мнений и следует рассматривать предложенную Э. Джексонем программу переселения индейцев. Джексон лицемерно утверждал, что уход индейцев с обжитой земли на запад, несомненно, в их же интересах, так как «многочисленные племена, попав под юрисдикцию штатов и территорий..., неизбежно сталкиваются с альтернативой — либо подчиниться их законам, что само по себе трудно из-за незнания языка и отсутствия цивилизованных привычек, либо переселиться западнее и жить по своим законам». В послании 1830 г. президент вновь подчеркивал, что «последствия скорейшего переселения индейцев будут иметь важное значение и для федерального правительства, и для штатов, и для них самих, ибо это положит конец бесконечным столкновениям индейцев с местными властями и, наконец, даст им возможность жить приемлемым для них образом»¹⁶.

Для выполнения этой программы он рекомендовал заключение договоров о переселении с различными племенами. «...Мы не имеем права предписывать им законы и вмешиваться в их жизнь, — писал он, — как не имеем подобных прав в отношении иностранной державы»¹⁷. Это признание на словах прав индейцев имело для правительства немалые выгоды, ибо, заключив договор о переселении, оно получало «законное» ос-

¹¹ Текст конституции дается по изданию: *Addresses and Messages of Presidents of the U. S. from Washington to Tyler*. N. Y., 1843, p. 11.

¹² *Documents*, p. 58—60.

¹³ *Congressional Globe*. 24 Congress. 1 Session. Appendix, p. 477—480.

¹⁴ *Messages and Papers*, v. 2, p. 415, 416.

¹⁵ *Congressional Globe*. 24 Congress. 1 Session. Appendix, p. 3, 14, 420.

¹⁶ *Messages and Papers*, v. 2, p. 459, 523.

¹⁷ *Ibid.*, p. 519.

нование выдворять непокорных силой. В послании 1836 г. президент подчеркивал, что «федеральное правительство обретает моральное право содействовать выполнению принятых обязательств»¹⁸. Надо отметить, что эта мысль президента нашла должную интерпретацию в конгрессе США. Конгрессмены Бентон, Терни, Эверетт и другие по достоинству оценили возможность использовать договоры о переселении как удобный предлог для нажима на индейское население: «Если индейцы проявят при переселении неуступчивость, — говорили они, — все имеющиеся силы будут брошены на защиту наших интересов»¹⁹. Планы Джексона встретили понимание и в кругу военных. Так, например, командующий военным постом на границе Джорджии и индейских территорий полковник Э. Кэнби откровенно заявлял: «Между политикой переселения и уничтожением индейцев в принципе нет никакой разницы... Однако, оставшая в стороне все соображения гуманности, уничтожение таких больших народов — дело нелегкое. Правильная, рекомендованная нашим опытом и соображениями выгоды политика — переселение их подальше от поселений белых»²⁰. В итоге правительственная программа выразилась в принятии конгрессом в мае 1830 г. закона о переселении. Согласно закону, президент получил неограниченное право производить с индейцами обмен любых территорий, не входивших в состав штатов (ст. 1), для чего он мог заключать с ними соответствующие договоры о переселении (ст. 2)²¹.

Провозглашая политику переселения, федеральное правительство вместе с тем не предполагало отказываться и от открытого применения военной силы против индейцев. По данным американского историка У. Хармона, лишь 45% договоров о переселении было заключено по формальному согласию индейцев. Армия зачастую использовалась в качестве «веского» аргумента, побуждавшего их заключать договор. Именно так был подписан договор с племенем чироков в 1835 г. в Нью-Ичоте²². Окончательный договор о переселении семинолов в свою очередь был заключен после кровопролитной войны 1835—1842 гг., стоившей правительству 30 млн. долл. и унесшей жизни 1,5 тыс. солдат²³. И только трудность ведения боевых действий, которые, по словам участника этой войны И. Грегга, «превращались в изнурительную борьбу с ожесточенным сопротивлением индейцев»²⁴, обусловила стремление правящих кругов использовать для переселения индейских народов относительно мирные средства. Очень метко эту позицию правительства определил член палаты представителей Эверетт, призывавший к тому, чтобы «военная сила применялась крайне осторожно, ибо индейцы могут оказать отчаянное сопротивление»²⁵.

Итак, стремясь разрешить аграрный вопрос за счет индейцев с наименьшей затратой сил и средств, правительство США в 30-е годы XIX в. пошло по пути заключения с ними договоров, камуфлировавших захватнический характер федеральной политики.

«Уступка» индейцами обширных земель с последующим переселением на запад — основа всех договоров, каким бы образом это ни было сформулировано. Наиболее часто встречается такая формулировка: «Означенные племена, стремясь к установлению мира и дружбы между ними и США, ... передают все свои права на территории, описанные следующим образом (идет описание угодий.— В. С.)» (сэк и фокс, 1830, преамбула; меномины, 1830, ст. 1; сенеки, 1831, ст. 1; оттава, 1831 и 1835,

¹⁸ Ibid., v. 3, p. 172.

¹⁹ Congressional Globe. 24 Congress. 1 Session. Appendix, p. 542; 25 Congress. 2 Session. Appendix, p. 354—376.

²⁰ The War of the Rebellion. A Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies. Washington, 1880—1901, ser. I, v. 4, p. 76—77.

²¹ Documents, p. 52—53.

²² Harmon W. Op. cit., p. 323; Washburn W. Op. cit., p. 166.

²³ Historical Statistics of the U. S. Statistical Abstract Supplement. Washington, 1960, p. 209.

²⁴ Gregg I. Diary and Letters. Norman, 1944, p. 90.

²⁵ Congressional Globe. 24 Congress. 1 Session. Appendix, p. 545.

ст. 1; поттоватомы, 1832, ст. 1; вайандоты, 1836, ст. 1; шауны, 1831, ст. 1)²⁶. И уж поистине верхом лицемерия выглядели преамбулы к договорам с племенами тетон-сиу и айова: «Мы, вожди, старейшины и воины, понимая, что расширение штата к реке Миссури будет иметь положительное значение и для белых, и для краснокожих, так как между ними пройдет естественная граница, уступаем США в знак глубокой дружбы означенные территории и заявляем, что мы удовлетворены этим территориальным обменом» (тетон-сиу, 1836; айова, 1836).

Итак, индейцы брали на себя обязательство переселиться. Договоры указывали и сроки исполнения. В большинстве случаев от индейцев требовалось «незамедлительное выполнение условий после ратификации» (меномины, 1831, ст. 2; сенеки, 1831, ст. 2; чокто, 1830, ст. 21 и т. п.). Иногда время переселения было четко установлено: 2 года (чироки, 1835, ст. 16; поттоватомы, 1836, ст. 14), 1 год (оттава, 1831, ст. 3; кэддо, 1835, ст. 2). Естественно, переселение с обжитых угодий на неосвоенные территории, да еще в сжатые сроки, само по себе наносило ущерб коренным американцам. Но есть все основания полагать, что, несмотря на заверения президента Джексона, будто бы «предоставляемые для поселения западные территории... по климатическим условиям и плодородию идентичны уступленным»²⁷, качество новых земель оставляло желать лучшего. Косвенно свидетельствует об этом договор 1835 г. с чироками, где говорится: «Поскольку чироки выражают опасение, что они получают взамен не подходящие для земледелия территории..., правительство США соглашается дополнительно предоставить племени земли между западной границей штата Миссури и угодьями осейджей» (ст. 2).

Впрочем, события показали, что правительство США не намеревалось соблюдать оговоренные сроки переселения. Не дожидаясь ухода индейцев, местные власти распространили на территории, подлежащие «уступке», федеральные законы и, поскольку индейцы не являлись американскими гражданами и не могли требовать защиты своих прав в суде, силой изгоняли их из их жилищ²⁸.

Какое количество земель получали индейцы взамен оставленных? Приводимые ниже данные (см. таблицу) относительно некоторых индейских племен свидетельствуют, что переселение было не чем иным, как лишением коренных жителей существенной части их земельной базы.

Из таблицы видно, что в результате переселения индейцы недополучили около 61,75 млн. акров угодий. Общая статистика выглядит еще более удручающей. У. Хармон установил, что США за первые 50 лет своего существования (1789—1840 гг.) захватили свыше 442,8 млн. акров индейских территорий, отдав взамен всего 53,7 млн. акров²⁹.

Как отмечалось ранее, специфической чертой политики федерального правительства в отношении коренного населения было формальное признание за ним независимости и права собственности на занимаемые земли. Из этого вытекала необходимость выплаты компенсации за оставляемую индейцами землю и собственность.

Прежде всего, из чего складывалась компенсация? Она состояла из следующих денежных выплат: а) непосредственно за земельные угодья с вычетом стоимости новых территорий; б) за отдельные виды недвижимости — кузницы, дома старейшин и т. п.; в) за транспортные издержки; г) материальной помощи со стороны правительства США для устройства на новом месте — создания особых фондов переселения: сиротских, школьных, сельскохозяйственных и др. Компенсация, предусматриваемая пунктом «а», составляла так называемый общий фонд племени, который федеральное правительство как гарант согласно договорам помещало в банк или вкладывало в акции. 5% этого капитала выплачива-

²⁶ Статьи договоров здесь и далее цитируются по изданию: *Indian Affairs. Laws and Treaties/Ed. Kappler Ch. V. 2—Treaties. Washington, 1901, p. 306—522.*

²⁷ *Messages and Papers, v. 3, p. 171.*

²⁸ *Congressional Globe. 23 Congress. 2 Session, p. 195.*

²⁹ *Harmon W. Op. cit., p. 319.*

лись соответствующему племени раз в год и назывались ежегодными платежами. Компенсация, предусматриваемая пунктом «б», как правило, выплачивалась единовременно; что касается фондов переселения, то либо они в зависимости от размеров создавались после заключения договора, либо правительство оговаривало себе 5—10-летнюю рассрочку (см. договоры: сэк, фокс, 1830, ст. 4—15; чокто, 1830, ст. 5—22; кэддо, 1835, ст. 3—17; сенеки, 1831, ст. 6—15; чироки, 1835, ст. 4, 5, 7—18 и др.).

В отдельных случаях допускалась компенсация товарами: определенное количество зерна, лошадей, лекарств, табака и т. п. (айова, 1836, ст. 3; янктоны, 1836, ст. 3; чиппева, 1837, ст. 4).

Каковы же были общие размеры компенсации? Ответить на этот вопрос крайне сложно, ибо договоры о переселении наряду с наличием нелимитированных выплат, например оплаты транспорта, не всегда содержат конкретные цифры. Кроме того, расчеты затрудняются различиями в способах исчисления общего фонда, составлявшего львиную долю компенсации, который либо создавался из средств, полученных от продажи оставленных угодий с аукциона наподобие общественных земель (большинство договоров), либо выплачивался единовременно (чироки, 1835, ст. 8; стокбридж, 1839, ст. 1; крики, 1834, ст. 3). Рассмотрим первый случай.

Законом 1820 г. минимальная рыночная цена земли при продаже ее с молотка была установлена в размере 1,25 долл. за акр³⁰. Поскольку индейцы, как правило, этого не знали, цена-минимум фиксировалась значительно ниже рыночной: 1 долл. за акр (вайандоты, 1832, ст. 2; поттоватомы, 1836, ст. 2; стокбридж, 1839, ст. 1), 70 центов за акр (шауны, 1831, ст. 8; оттава, 1831, ст. 8), хотя в договорах с ними утверждалось, что «оставленные владения пускаются в продажу с аукциона согласно правилам торговли общественными землями». В тех же случаях, когда минимум цены устанавливался равным рыночному, правительство США использовало различные способы для уменьшения размера компенсации. Так, по договору с чиппева 1837 г. продажный минимум устанавливался в размере 1,25 долл., однако племя в отличие от других должно было само выделить из суммы, полученной от продажи, сиротский и школьный фонды, а также оплатить медикаменты и табак (ст. 3—4). В договоре с чикасо 1834 г. был использован другой способ. Распродажа оставленных владений начиналась сразу после ратификации, причем в первый год цена за акр устанавливалась в 1,25 долл., во второй — 1 долл., в третий — 50 центов, а в четвертый и далее — уже 25 центов (ст. 11). Иными словами, задержки правительство сроки аукциона на 3 года (а оно имело такую возможность, ибо племя передавало ему все права на оставленные земли), цена на них моментально уменьшалась в 5 раз! Произвол, сопутствовавший аукционной продаже, стал настолько распространенным, что даже конгрессмен Эверетт вынужден был констатировать, что она превратилась в «поток злоупотреблений и нечестных сделок»³¹.

Большую сложность представляет расчет во втором случае (единовременная выплата). В частности, племя чироков по договору 1835 г.,

Земельные потери некоторых индейских племен в 1830—1840 гг.*

Племя	Земли (млн. акров)	
	«уступленные» индейцами	полученные взамен
Кэддо	1,0	0,04
Чироки	11,0	8,0
Чиппева	19,2	0,01
Поттоватомы	10,6	5,0
Чокто и чикасо	20,6	19,3
Крики	24,7	15,2
Кикапу	5,3	2,8
Осейджи	6,8	0,04
Оттава	0,08	0,03
Сенеки	0,07	0,01
Виннебаги	10,3	2,0
Вайандоты	4,8	0,27
Итого	114,45	52,70

* Harmon W. Op. cit., p. 335.

³⁰ Documents of American History/Ed. Comager H. N. Y., 1935, v. 1, p. 222.

³¹ Congressional Globe. 24 Congress. 2 Session. Appendix, p. 308.

получило 5,4 млн. долл. В эту сумму вошли: 5,0 млн. долл. общего фонда, выплаченного в отличие от других договоров единовременно (ст. 8), и 0,4 млн. долл. дополнительных фондов, компенсации недвижимости и т. п. (ст. 9, 11—16). Если же мы соотнесем эту цифру с количеством земли, изъятым у племени при переселении (10,2 млн. акров; см. таблицу), то получается, что компенсацию правительство выплатило из расчета примерно 50 центов за акр! Крики, по договору 1834 г. получившие 2,9 млн. долл. за 9,5 млн. акров угодий (ст. 6—10), «уступили» свои территории вообще за смехотворную цену — 30 центов за акр³². В итоге мы видим, что продажа индейских земель шла по явно заниженной цене. Подсчитано, что если бы правительство платило за изъятые территории хотя бы по рыночному минимуму, то оно должно было бы выплатить к 1840 г. коренным жителям астрономическую сумму в 553,5 млн. долл., тогда как оно обязалось выплатить лишь 31,5 млн. долл.³³. Все это красноречиво свидетельствует о неэквивалентной компенсации.

Наконец, вдобавок к этой чрезвычайно выгодной «покупке», правительство, как упоминалось выше, часто оговаривало себе рассрочку выплаты денежной компенсации до 10 лет. И, более того, лицемерно декларируя принцип равного партнерства, оно ввело в договоры статьи о том, что именно «правительство является гарантом их выполнения», поставив под контроль использование индейцами собственных денег, которые хранились в банках США. В ряде договоров есть положения, согласно которым «совет племени по указанию президента США обязан представлять отчет о приложении своих фондов... и если они расходовались неправильно, президент обладает полномочиями устранять все злоупотребления и предписывать правильное использование этих денежных средств» (чироки, 1835, ст. 10; чикасо, 1832, ст. 11). Однако даже незначительная компенсация, как правило, становилась предметом жарких дискуссий в стенах конгресса, многие члены которого считали, что она явно завышена и что предоставление индейцам новых земель и денежные выплаты слишком обременительны для федерального правительства³⁴.

Итак, переселение, проводимое в 30-е годы XIX в., отразило тенденцию правящих кругов США разрешить аграрный вопрос путем вытеснения коренного населения. Наряду с этим политика эта имела еще одну важную сторону, не афишируемую в официальных документах, — стремление к полному уничтожению независимости индейских народов и подчинению их федеральному контролю. Анализ этого аспекта политики переселения весьма затруднен, так как в документах в силу известных причин никогда не говорилось об этом прямо. Более того, на первый взгляд в них, наоборот, декларировалось соблюдение правительством США суверенитета различных племен. Дебаты в конгрессе пестрят высказываниями типа: «Индейцы должны жить по своим законам, которые являются гарантией их процветания; они — полные хозяева своих территорий; законы США никогда не будут навязаны им силой»³⁵. «Правительство США гарантирует полноту власти советов племени и вождей над членами соответствующего племени и их имуществом... и подтверждает незыблемость границ индейских земель, которые никогда не будут включены в штат или территорию», — вторят им договоры (чокто, 1830, ст. 4; чироки, 1835, ст. 20; шауны, 1831, ст. 11; оттава, 1831, ст. 9). Однако эти декларации опровергались другими формулировками и положениями договоров о переселении. Прежде всего следует отметить, что, заявляя о праве индейцев на самоуправление, федеральное правительство и не предполагало его вне юридической системы США. Законы племен, по его мнению, «должны были соответствовать конституции

³² Был даже случай, когда компенсация исчислялась из расчета 5 центов за акр (Мейер У. Коренные американцы. М.: Прогресс, 1975, с. 34).

³³ Harmon W. Op. cit., p. 320.

³⁴ Congressional Globe. 24 Congress. 1 Session. Appendix, p. 488, 608; 2 Session. Appendix, p. 306; 25 Congress. 2 Session. Appendix, p. 272—274.

³⁵ Congressional Globe. 23 Congress. 1 Session, p. 82—83; 25 Congress. 2 Session. Appendix, p. 269—274.

США, а также законам, издаваемым конгрессом относительно регулирования отношений и торговли с индейскими племенами» (чироки, 1835, ст. 19). Из этого принципа вытекал ряд других положений. В частности, судопроизводство внутри племени шло по его законам лишь в тех случаях, когда и истец и ответчик были индейцами. Но если один из них был белым, суд должен был проходить в соответствующих федеральных учреждениях на английском языке на основании законов США. Причем чиновники Департамента по делам индейцев имели право принудительного привода индейца в федеральный суд в случае его неявки и отказа подчиниться федеральному законодательству (чокто, 1830, ст. 6; чикасо, 1832, ст. 13). Даже когда явное правонарушение в индейских землях совершалось белыми американцами, они могли быть судимы исключительно по федеральным законам (чикасо, 1832, ст. 13; чироки, 1835, ст. 12, 17). Таким образом, юридическая власть племени распространялась только на его членов, тогда как белое население полностью изымалось из сферы ее влияния, как бы получая право экстерриториальности на землях, принадлежавших индейцам согласно договорам.

Аналогично трактовалось и право коренных жителей на владение землей. Индейцы в глазах администрации США обладали не правом собственности, а правом условного владения отводимыми по договорам угодьями³⁶. Эту тенденцию отражают статьи 4—6 договора 1832 г. с чокто, которые указывали, что если у племени появлялись какие-либо планы относительно продажи или обмена своих территорий, то совет племени не имел права решать подобные вопросы самостоятельно, а должен был обращаться в Индейское агентство с ходатайством о назначении особой комиссии в рамках данного агентства. На практике это означало серьезное ограничение права племени распоряжаться своими земельными владениями.

Не менее характерно желание правительства США поставить под контроль межплеменные отношения, навязав индейцам принудительный арбитраж в случае возникновения конфликтной ситуации между какими-либо племенами. Так, например, конгрессмен Сэвьер от штата Арканзас прямо указывал на то, что в интересах правительства вмешиваться в отношения между племенами³⁷. Причем оно нередко само разжигало рознь между отдельными народами и внутри их. Весьма распространенным приемом было противопоставление метисной, как правило, зажиточной части племени его основной массе. Например, особые привилегии метисов оговаривались в договорах с племенами сэк и фокс, чироками, чокто, криками и др. (сэк и фокс, 1830, ст. 8—10; чироки, 1835, ст. 15; чикасо, 1832, ст. 12; крики, 1833, ст. 4). Не останавливалось правительство и перед прямым подкупом племенной верхушки. Так, статья 3 договора с поттоватомами 1834 г. гласила: «Принимая во внимание содействие, которое вожди племени оказали при заключении настоящего договора... правительство обязуется выплатить им вознаграждение в размере 400 долл. *per capita*». Подобным образом, заключая договор с меноминами в 1836 г., оно выделило в качестве подарка вождю и его роду 2,5 тыс. долл. (ст. 4). Но поистине самым удобным путем для достижения указанных целей правительства было намеренное обострение территориальных споров и правовых отношений между племенами. Так, несмотря на достаточное количество свободных для поселения земель, чокто должны были уступить часть своих новых территорий чикасо (чокто и чикасо, 1837, ст. 1), а крики — семинолам (крики, 1834, ст. 3). При этом на территории одного племени мог создаваться округ, населенный членами другой племенной группы, которые, обладая всеми правами основного племени (кроме доли в ежегодных платежах), были неподсудны его законам в случае правонарушения (чокто и чикасо, 1837, ст. 1, 5, 6; крики, 1834, ст. 8, 10). Все это, несомненно, значительно осложняло межплеменные отношения и создавало многочисленные конфликты, разрешение которых было прерогативой федерального прави-

³⁶ См. Congressional Globe. 25 Congress. 2 Session. Appendix, p. 274.

³⁷ Ibid., 3 Session. Appendix. p. 241.

тельства. Наиболее четко принцип принудительного арбитража был сформулирован в договоре с племенем пауней: «Племя заявляет о своей дружбе с правительством США и соседними племенами краснокожих... В случае войны или столкновений с ними оно соглашается на арбитраж со стороны лиц, которых президент США может для этого назначить» (1832, ст. 10).

Однако для того чтобы иметь реальную возможность вмешиваться в дела индейцев, гарантировать выполнение ими условий переселения и подавлять возникавшее недовольство, федеральному правительству было необходимо обладать определенными рычагами воздействия. Под благовидным предлогом «защиты переселившихся от нападения враждебных племен, мародеров и бандитов» правительство США оговорило право «иметь в индейских землях гарнизоны, строить форты и военные посты в тех районах, где это необходимо». Естественно, законы племен «не могли распространяться на армию США», индейцы не имели также права контролировать жизнь фортов (чироки, 1835, ст. 3; чокто, 1830, ст. 11; чикасо, 1832, ст. 2). Эти действия, упразднившие на практике декларированный суверенитет индейских племен, наглядно продемонстрировали, как правящие круги Соединенных Штатов одновременно с выдворением коренного населения с исконных территорий стремились полностью подчинить его своему контролю.

Нельзя обойти еще один аспект индейской политики 30-х годов, хотя он и не связан непосредственно с переселением. Мы имеем в виду стремление правительства США удовлетворить требования различных слоев белого населения за счет коренных жителей Америки. Например, для буржуазии Севера была важна возможность предпринимательской деятельности на землях индейцев, в частности строительства. Договоры о переселении гарантировали ей в будущем право строительства почтовых отделений, телеграфных линий, шоссе и железных дорог через индейские территории (чокто, 1830, ст. 11; чикасо, 1832, ст. 10; чироки, 1835, ст. 20). В период наступления на индейские земли строительство стало одной из форм вытеснения коренных американцев. Русский путешественник Н. Славинский писал, что проведение дорог и наплыв белых в связи с этим «не давал индейцам очнуться. Их, как зверей, изгоняли из родных углов, и это считалось удобным»³⁸. Что касается фермеров, то они получали преимущественные права на приобретение оставленных индейцами хозяйственных построек, инвентаря, скота и т. п. (чироки, 1835, ст. 12).

Наконец, не были забыты и «особые интересы» плантаторов Юга. Как свидетельствовал очевидец, швейцарский путешественник Р. Курц, побывавший на юго-западе США на рубеже 30—40-х годов XIX в., «беглые рабы-негры очень часто искали убежище у своих краснокожих соседей». Причем, по данным 8-й переписи населения США, беглецы составляли от 12 до 16% численности некоторых индейских племен — чокто, чикасо, чироков и криков³⁹. В угоду жителям рабовладельческих штатов правительство включало в договоры о переселении статьи о выдании беглых рабов, хотя термин «раб» и «рабство» в них, впрочем как и в других официальных документах того времени, не употреблялся. Вот что говорится, например, в ст. 7—8 договора 1830 г. с чокто: «Все лица, обнаруженные на территории индейцев, не являющиеся по рождению членами племени..., за исключением чиновников Департамента по делам индейцев, военнослужащих, коммерсантов, имеющих лицензию на торговлю с индейцами..., а также прочих лиц, находящихся там с согласия федерального правительства, считаются нарушителями (intruders) и подлежат выселению оттуда под контролем местного агента, который в случае необходимости может использовать для этого военную силу». Аналогичные положения можно найти в договоре 1835 г. с чироками

³⁸ Славинский Н. Письма об Америке. Спб., 1873, с. 174.

³⁹ Population of the U. S. in 1860. U. S. Census Office. 8th Census of the U. S. Washington, 1864, p. XV; Kurz R. Journal of Robert Kurz. Washington, 1937, p. 114, 143, 206.

(ст. 5—6) и 1832 г. с чикасо (ст. 11). Тот факт, что указанные статьи содержатся только в договорах с племенами, укрывавшими бежавших с плантаций негров, подтверждает наше мнение о том, что они касаются выдачи беглых рабов.

Такой в общих чертах была политика, которую проводило федеральное правительство. К началу 40-х годов темпы вытеснения индейцев несколько снизились, что было связано прежде всего с удовлетворением на данном этапе потребностей белого населения в новых территориях. Как заявлял в ноябре 1838 г. уполномоченный по делам индейцев Кроуфорд, «на уступленных территориях осталось лишь незначительное количество индейцев»⁴⁰.

Итак, переселение индейцев с их исконных земель на необжитые западные территории, хотя и облеченное в форму договоров, признававших номинально суверенитет племен, было не чем иным, как решением аграрного вопроса за счет коренного населения США, насильственно лишенного земельной базы.

---

⁴⁰ Congressional Globe. 25 Congress. 3 Session. Appendix, p. 9—14.